

ЮКИО•МИСИМА. ПОСЛЕДНИЙ САМУРАЙ

Константин•Косяк

Константин Косяк — историк, журналист,
исследователь хорватского революционного движения усташей.
Сфера интересов — консервативная революция, геополитика, традиционализм,
национализм, межэтнические отношения.

Юкио Мисима.
Фото Тамоцу Ято

О личности Юкио Мисимы можно говорить бесконечно. Самый читаемый японский писатель XX века. Пламенный патриот, традиционалист и одновременно носитель европейской культуры. Его творчество и личность до сих пор являются предметом жарких споров и дискуссий. Его жизнь представляет куда больший интерес, чем написанные им книги. За 45 лет своей жизни, Кимитакэ Хираока (а именно так по-настоящему звали японского писателя) успел прожить несколько человеческих жизней. Он успел освоить роли писателя, культуриста, актёра, режиссёра, лётчика, фотографа и даже возглавить восстание. Согласитесь, для жизни среднестатистического человека многовато.

ИСПОВЕДЬ МАСКИ

Мисима родился 14 января 1925 года в семье государственного служащего. Несмотря на заявления о происхождении от самурайского рода, на самом деле его предками были беднейшие крестьяне, не имевшие даже фамилии. Однако к началу XX века, его род достиг определенного положения в обществе. Дед Мисимы был очень влиятельным

Юкио Мисима
в начале писательской
карьеры

чиновником, занимавшим пост губернатора японской колонии на Сахалине. Бабушка была неуравновешенной, аристократичной женщиной, благодаря хлопотам которой внук полюбил искусство. Отец будущего писателя Адзуса был трудолюбивым и прагматичным человеком, занимавшим различные должности в Министерстве сельского хозяйства. Мать была тихой образованной женщиной, которая первой увидела тексты сына.

С самого детства Мисима был болезненным ребёнком. Его воспитанием занималась бабушка, старая больная женщина, страдавшая постоянными истерическими припадками. Условия, в которых рос юный Камитакэ, трудно назвать приемлемыми: ему недоставало игр со сверстниками, в первую очередь родным братом и сестрой; шумные игры на свежем воздухе были под запретом, а встречи с родителями редкими. Мальчик прожил двенадцать лет под опекой властной женщины, ко-

торая во всем старалась подчинить волю ребёнка. Единственное, что не могла контролировать бабушка, это фантазии. По всей видимости, именно с этого всё и началось.

Благодаря протекции деда в шесть лет Камитакэ поступает в элитную школу Гакусюин. Дети аристократов поступали на учёбу без сдачи экзаменов, однако будущему писателю из-за своего происхождения экзамен сдавать всё же пришлось. Мисима с лёгкостью сдал экзамен, который не вызвал у него трудностей: с пяти лет мальчик умел писать, читать, считать и даже пробовал свои силы в поэзии. Учёба в школе достаточно легко давалась подростку, лишённый уличных забав, он всё свободное время посвящал только ей. Друзей у Мисимы практически не было, сказывалось его социальное положение и физическая слабость. Однако, несмотря на все невзгоды, он оканчивает школу одним из лучших выпускников. За отличные успехи в учёбе он получил из рук самого императора серебряные часы. Это была единственная встреча Камитакэ с императором, за которого впоследствии он отдаст свою жизнь.

После окончания школы Мисима поступает на юридический факультет Токийского Императорского университета, который оканчивает в 1947 году. После окончания университета поступает на государственную службу в Министерство финансов. Понимая, что не может совмещать работу и литературную деятельность, через год покидает работу, для того что бы полностью посвятить свою жизнь писательской деятельности. Это был по-настоящему волевой поступок, так как Мисиме пришлось отказаться от престижной работы в угоду писательству, которое, как известно, далеко не всегда приносит популярность и тем более материальные выгоды.

Писать Камитакэ начал очень рано. Известный японовед и автор его биографии Джон Натан соотносит самую раннюю прозу, написанную Мисимой, с его учёбой во втором классе. Уже в ней просматривается безграничное одиночество автора. Начиная с седьмого класса, Мисима посещает известный литературный клуб, активно печатается и ежедневно пишет прозу, сочиняет стихи. До шестнадцати лет Мисима на полном серьёзе считал себя в первую очередь поэтом, а уже после прозаиком. После публика-

ции серии удачных рассказов, повести «Цветущий лес», а также занятия должности редактора журнала литературного клуба Мисима понимает, насколько он ошибался. Видимо, справедливо мнение, что отличные писатели получаются из плохих поэтов. В этот же период появляется его псевдоним — Мисима Юкио, что в переводе означает «Зачарованный Смертью Дьявол».

В 1949 году выходит первый роман автора «Исповедь маски», который приносит небывалую популярность автору. Такое признание у читателя было обусловлено стилем — роман написан в традиционном для японцев стиле автобиографии. В книге в яркой форме показаны переживания замкнутого подростка, его внутренний мир, размышления о смысле жизни. В этом произведении автор определил всё своё дальнейшее творчество. Чего стоит только одна цитата из книги, которая свидетельствует о том, что автор определил своё будущее ещё в молодости:

Все говорят, что жизнь подобна театру. Но для большинства людей это не становится навязчивой идеей, а если и становится, то не в раннем детстве, как у меня, — уже тогда я был твёрдо убеждён в непреложности этой истины и намеревался сыграть отведенную мне роль, ни за что не обнаруживая своей подлинной сути. Моя убеждённость подкреплялась крайней наивностью и отсутствием жизненного опыта, хотя где-то в глубине души таилось смутное подозрение — а вдруг остальные живут иначе? Нет, уверял я себя, все люди вступают в жизнь точно так же. Я оптимистично полагал, что стоит закончиться спектаклю, и занавес закроется сам собой. В этой вере меня поддерживала и убеждённость в том, что я непременно умру молодым. Со временем, однако, моему оптимизму, а точнее мечте, предстояло вынести жестокий удар.

Интерес у читателя вызывали признания в гомосексуализме, а также садистских склонностях. Доподлинно неизвестно, был ли Мисима гомосексуалистом или это всего лишь являлось плодом его фантазий. Некоторые исследователи его творчества полагают, что он не имел нетрадиционные сексуальные пристрастия или, как минимум, был бисексуалом. Другие считают, что гомосексуальные мотивы являются не более чем выдумкой автора, так как он был женат и в порочащих связях замечен не был.

Следующие книги автора имеют ещё больший успех. Роман «Жажда любви», написанный в 1951 году, будет включен UNESCO в список шедевров японской литературы. Благодаря простой истории любви молодой вдовы и садовника Мисима завоёвывает статус мастера психологической прозы.

Роман «Шум прибоя» увидевший свет в 1954 году по своей стилистике не похож на другие книги автора. Скорее всего, в то время Мисима ещё не выработал собственных «фишек», присущих только ему. События разворачиваются на острове, где живут простые и искренние люди. Мужчины зарабатывают ловлей рыбы, женщины собирают жемчуга. Между бедным рыбаком и девушкой из состоятельной семьи зарождаются чувства. Понятное дело, находятся люди, мешающие счастью молодых. Однако любовь выдерживает все испытания и препятствия. Романтическая история была написана Мисимой под впечатлением от древнегреческого романа о Дафнисе и Хлое, который ему довелось прочитать во время путешествия в Грецию. Это первый роман Мисимы, который был экранизирован.

ЗОЛОТОЙ ХРАМ

В 1952 году Мисима совершает первое в своей жизни кругосветное путешествие. Поездка в Грецию произвела настоящий переворот в душе 27-летнего писателя. Среди древних зданий и статуй юный писатель открыл для себя «бессмертие красоты», которое возбудило в нём тягу к гармонии тела и души, а также физическому и духовному здоровью. По прошествии времени Мисима вспоминал: «Греция излечила меня от ненависти к самому себе, от одиночества и пробудила во мне жажду здоровья в ницшеанском смысле». Фактически, он воплотил в жизнь идею сверхчеловека Ницше, безусловно, правильно трактуя слова Заратустры.

Красота античного мира, представшая перед Мисимой, стала для него идеалом, к которому он будет стремиться всю оставшуюся жизнь. Вернувшись на Родину, писатель первым же делом записывается в тренажёрный зал, который посещает не менее трёх раз в неделю. Также он ежедневно бегает, поднимает тяжести и совершает заплывы на большие дистанции. В нагрузку к физическим упражнениям добавляются занятия традиционными боевыми искусствами: каратэ и кэндо. В этой области он добивается значительных успехов. Всеми возможными способами Мисима стремился превратить своё тело в эталон красоты, ведь, по собственному признанию писателя, *«создать прекрасное произведение искусства и стать прекрасным самому — суть одно и то же»*.

Изначально над Мисимой посмеивались все: от коллег по литературному цеху до журналистов жёлтых газет. Вскоре насмешки прекратились, так как из болезненного и хилого подростка, у которого, по воспоминаниям современника, *«тщедушное тело болталось в непомерно широкой одежде»*, Мисима превратился в крепкого, выносливого и опасного бойца. Успехи писателя были настолько значительными, что в 1963 году фотографией Мисимы иллюстрируют энциклопедию бодибилдинга. В одном из интервью писатель признаётся, что это был *«счастливейший момент в его жизни»*. Собственный опыт физического самосовершенствования будет им описан в эссе «Солнце и сталь». Основная идея — создание полной противоположности самому себе. Традиционно писатели, философы, историки и другие представители гуманитарных наук представляются нам эдакими «очкариками», которые ничего не могут, кроме как читать книги да рассуждать о высоких материях. Мисима решил личным примером эту традицию разрушить. Он достаточно откровенно высказывался о целях, побудивших его на данный эксперимент:

Когда я оказался у того предела, где большинство людей начинают ощущать удовлетворение от накопленных знаний, вдруг обнаружилось, что интеллектуальное развитие для меня — вовсе не мирный атрибут культурного образования, а грозное оружие, назначение которого — помочь мне выжить. С этого момента и возникла потребность в воспитании своего тела. Обычно бывает наоборот: человек, живший одной только физической жизнью, возле смертного одра своей молодости начинает ощущать потребность в интеллектуальном росте.

Благодаря стали я узнал много нового о своих мышцах. Это знание поразило меня новизной и свежестью, его невозможно было почерпнуть ни из книг, ни из жизненного опыта. Мускулы — это не только физическая форма, это ещё и сила. Каждая их группа способна направлять энергию куда-либо, словно лучи света.

Форма, наполненная силой, — этот образ как нельзя лучше соответствовал моему давнему идеалу произведения искусства. К тому же этот органический шедевр ещё и испускал лучи!

Создаваемые мной мускулы являлись одновременно принадлежностью бытия и предметом искусства; при этом парадоксальным образом они обладали всеми признаками абстракции. В них имелся всего один изъян — они были слишком тесно сплетены с жизнью, а потому вместе с ней обречены на увядание и гибель.

Я ещё напишу об абстрактной сути атлетического телосложения, пока не скажу лишь, что мускулы обладают одним поистине бесценным для меня качеством: их действие противоположно действию слов. Это становится ясно, если вспомнить о происхождении Слова. Оно возникло в границах одного племени, выполняя функцию обмена чувствами и волей — на манер первобытных каменных денег. Пока Слово не стёрлось от употребления, оно принадлежало в равной степени всем членам общины, а стало быть, могло выражать лишь эмоции, присущие всем и каждому. Постепенно, однако, Слово перешло в личную собственность, и всяк стал использовать его на свой вкус и лад, в результате чего и зародилось искусство игры словами.

В этом эссе писатель рассуждает также и о собственном литературном стиле, рассматривая созданные им произведения уже с позиции критика. Следующие слова, написанные Мисимой, на мой взгляд, замечательно характеризуют как его творчество, так и жизненный путь:

Юкио Мисима
на фоне своего дома.
Фото Нобуюки Масаки, 1966 г.

Я уподобил свой литературный стиль мускулам. Он приобрел гибкость и независимость, жировые складки ненужной орнаментальности исчезли, а вместо них появились бугры мышц, без которых современная цивилизация вполне может обходиться, хотя в прежние времена они считались признаком мужества и красоты. Сухой, чисто функциональный стиль мне так же несимпатичен, как чрезмерная чувствительность.

Я оказался один на необитаемом острове. Не только моё тело, но и мой литературный стиль оказались в полном одиночестве. Моя манера письма отвергала любое влияние. Больше всего меня стало привлекать благородство; идеалом красоты мне теперь казалась строгая, обшитая деревом прихожая в старинной самурайской усадьбе, — такая, какой она выглядит в неярком свете зимнего дня. Впрочем, я не хочу сказать, что моя проза обладает подобным качеством...

Естественно, мой стиль чем дальше, тем больше противоречил веяниям эпохи. Он изобиловал антитезами, отличался старомодной тяжеловатостью, был не лишён определенного аристократизма, но при любых обстоятельствах сохранял церемониальную

182 *размеренность поступи, даже когда маршировал через чужие спальни. Мой стиль, подобно старому слуге, постоянно держал грудь колесом. К тем, кто сутулится, горбатится, сгибает колени или, упаси Боже, вихляет бедрами, он относился с величайшим презрением.*

Параллельно занятиям спортом Мисима активно пишет. Как правило, делает это по ночам, в то время когда его друзья развлекаются в кабаках. В 1956 году выходит роман «Золотой храм», который по праву считается жемчужной японской литературы. Повествование в романе ведется от первого лица главного героя Мидзогути, который решил стать монахом. Будучи заикой и хилым подростком, Мидзогути подвержен насмешкам и фактически ограничен в общении. Вся его жизнь посвящена Золотому храму, послуш-

Юкио Мисима
во время тренировки на базе
Сил самообороны Японии

ником которого он является. Монах настолько зачарован красотой сооружения, что решает его уничтожить в надежде избавиться от зависимости. Книга была основана на реальных событиях: в 1950-м году буддийский послушник в приступе безумия сжёг храм Кинкакудзи, являющийся самым знаменитым архитектурным памятником Киото. Это событие так потрясло Мисиму, что он не мог не написать о нём, навсегда прославив тем самым и храм, и город.

Повествование в романе ведётся в очень деликатной, спокойной и плавной манере. Очевидно, что тут огромное влияние оказывает японская традиция сдержанности в эмоциональном плане. Произведение напоминает философский трактат о жизненном пути, написанный от первого лица. В «Золотом храме», как и в «Исповеди маски», легко узнаются автобиографические черты, присущие автору: «Я был хилым, болезненным ребенком, самым что ни на есть последним во всех мальчише-

ских играх и забавах. Это да ещё моё врождённое заикание отдаляло меня от других детей, развивало замкнутость и любовь к уединению... Нет ничего странного в том, что в отрочестве меня преследовали соблазнительные и противоречивые грёзы о власти, вернее, о двух разных видах власти. То, начитавшись исторических романов, я воображал себя могущественным и жестоким владыкой. Он заикается и поэтому почти всегда молчит, но как же трепещут подданные, живущие в постоянном страхе перед этим молчанием, как робко заглядывают в лицо своему господину, пытаюсь угадать, что их ждет, — гнев или милость? Мне, государю, ни к чему оправдывать свою беспощадность гладкими и звучными фразами, само моё молчание объяснит и оправдает любую жестокость. С наслаждением воображал я, как одним движением бровей повелеваю предать лютой казни учителей и одноклассников, мучивших меня в гимназии. И ещё нравилось мне представлять себя владыкой иного рода — великим художником, повелителем душ, молча созерцающим Вселенную. Так, несмотря на жалкую свою наружность, в глубине души я считал себя богаче и одарённое всех сверстников. Да это, наверно, и естественно — каждый подросток, имеющий физический изъян, мнит себя тайно избранным. Не был исключением и я, я знал, что впереди меня ждёт пока неведомая, но великая миссия». Вне всякого сомнения, Мисима вложил в эти строки частичку прежнего себя, того чахлого, стеснительного декадента, который искал признания в обществе. Ведь теперь

он был уже другим, здоровым и самодостаточным человеком, свободным от общественного мнения и стереотипов, которые это общество навязывает своим членам.

Помимо литературы и спорта Мисима увлекался театром. После окончания Второй мировой войны в Японии возобновился интерес к национальным формам классической драматургии. В первой половине пятидесятых Мисима пишет несколько пьес для театра *но*. Его пьесы-маски «Ночь последнего обета», «Ночная орхидея», «Слепой юноша», «Замерший в восторге», «Веер в залог любви», «Принцесса Лунного Лавра», «Поцелуй маски» напомнили зрителям об аристократическом японском искусстве Средневековья. Действие пьес происходит в различных местах современного Токио, однако при этом автор наполнил их духом традиционных произведений, соединив тем самым традицию и современность. Единственное событие в пьесах *но* — встреча персонажей. Обычно пьесы состоят всего из одного акта, распадаясь при этом на две части. В первой — персонаж предстаёт перед зрителями в виде лица низкого происхождения, во второй — в своём истинном обличье. Именно в этой части происходит развязка, когда зрителю становится ясно, что в предыдущей части перед ним был призрак.

В 1955 году согласно всем канонам театра *но* была поставлена пьеса «Принцесса Лунного Лавра». Её постановка стала настоящим вызовом Традиции пришедшему в Японию западному искусству, в котором на тот момент доминировали жажда наживы и разврат. В то же время на Западе драматическое творчество Юкио Мисимы было положительно встречено критиками и зрителями. Помимо миниатюр, Мисима писал произведения, состоящие из нескольких актов, которые до сих пор идут с успехом не только в Японии, но также в Европе и США. Пожалуй, самые известные для европейского зрителя — «Мой друг Гитлер» и «Маркиза де Сад», которые повествуют об известных исторических личностях. Для того времени, Мисима совершил достаточно смелый шаг, воспев устами героев пьесы «Мой друг Гитлер» тематику войны: *«Вы что же думаете, Железу приятно, что после войны компания делает из него проекторы для кинематографа, кассовые аппараты и всякие там кастрюли? Мечты Железа разбиты вдребезги. Вы думаете, его радует прикосновение вялых пальцев женщин, детей и мелких лавочников?»*. Кроме воспевания, он фактически создает контуры новой милитаристской эстетики: *«Армия — это рай для мужчины... Утреннее солнце просеивается сквозь листву, его лучи сияют медным блеском, и эта медь превращается в медь горна, трубящего побудку. В армии все мужчины — красавцы. Когда молодые парни выстраиваются на утреннюю поверку, солнце вспыхивает на их золотых волосах, а их голубые, острые как бритва глаза горят огнём разрушения, скопившимся за ночь. Мощная грудь, раздутая утренним ветром, полна святой гордости, как у молодого хищника. Сияет начищенное оружие, блестят сапоги. Сталь и кожа тоже проснулись, они полны новой жаждой. Парни, все как один, знают: только клятва погибнуть смертью героев может дать им красоту, богатство, хмель разрушения и высшее наслаждение. Среди дня солдаты благодаря маскировке сливаются с природой. Они превращаются в изрыгающие огонь деревья, в несущие смерть кусты. А вечером их, вечно покрытых грязью, потных, с грубоватой приветливостью встречает казарма. Разрушения, учинённые днём, ложатся на лица парней кровавым отсветом заката. Они чистят своё оружие и, вдыхая запах масла и кожи, сверяют впитавшуюся в их плоть варварскую поэзию с самоощущением синечерной массы зверей и минералов, которые составляют основу нашего мира. Ласковый голос отбоя своими лёгкими медными пальцами натягивает на лица грубые солдатские одеяла, меланхолично обдувает сомкнутые длинные ресницы, приносит сон. Солдатская жизнь пробуждает в человеке всё истинно мужское, всё героическое»*.

Помимо литературной деятельности, Мисима пробовал себя и в других сферах. Он выступал в качестве дирижёра симфонического оркестра, режиссёра театра и кино и даже актёра. Писатель сыграл главные роли в четырёх фильмах, которые позже вошли в золотой фонд японского кинематографа. В таких фильмах, как «Загнанный волк» и «Патриотизм», он сыграл обречённых людей, которых ждёт неминуемая гибель.

Сюжет фильма «Загнанный волк» довольно прост: молодой якудза Такэо во время очередной разборки ранит босса местной мафии и похищает его сына, за что отправляется в места не столь отдалённые. Отсидев срок, он выходит на свободу и пытается

выяснить, остались ли у него шансы сохранить свою жизнь, так как даже в тюрьме за ним ведётся охота. На русском языке фильма, к сожалению, нет, но можно его посмотреть либо в английской озвучке, либо с русскими субтитрами.

В 1961 году Мисима написал рассказ «Патриотизм», основанный на реальных событиях. В историю это событие вошло под названием «Путч молодых офицеров». Группа молодых офицеров-националистов, воодушевлённая работой «План реконструкции Японии» Икки Кита, попыталась совершить государственный переворот. Молодые люди были убеждены, что восстановить национальную и социальную справедливость в стране можно только с помощью физического устранения нескольких высокопоставленных лиц. Заговорщики выступили рано утром 26 февраля 1936 года с лозунгом «уважай Императора, свергни зло». За небольшое время им удалось захватить административный центр Токио, в котором размещались здания министерств, парламента и различных государственных учреждений. Несмотря на заявления мятежников о полной поддержке императорской власти, император Хирохито резко осудил их действия, признав незаконными. Он не мог простить юнцам убийства своих министров. Мятежники были взяты в кольцо лояльных правительству войск. Окружённые и деморализованные, они сдались правительственным войскам 29 февраля 1936 года. Несколько руководителей путча совершили самоубийство, остальные были казнены.

Сюжет рассказа Мисимы обыгран вокруг событий этого мятежа. 28 февраля, на третий день мятежа, поручик гвардейского транспортного батальона Синдзи Такэяма узнаёт, что среди заговорщиков находятся его друзья. Понимая, что завтра ему придётся выступить против друзей, Такэяма принимает волевое решение покончить с жизнью. Молодая жена Рэйко присоединяется к мужу и совершает «сэппуку» вместе с ним. Вся загвоздка в том, что друзья не предложили Синдзи присоединиться как раз потому, что он совсем недавно женился. В рассказе описывается преданность не абстрактным вещам, а вполне себе конкретным — друзьям, семье, жене, мужу.

Через шесть лет рассказ был экранизирован. Мисима выступил в роли сценариста, режиссёра, продюсера, художника и актёра. В фильме отсутствуют реплики героев, всё действие происходит под музыку Рихарда Вагнера. Экранизированный «Патриотизм» — получасовое анатомическое исследование ритуала «сэппуку», материал достаточно зрелищный и запоминающийся. Многие критики считают именно это произведение прологом дальнейших событий, которые произойдут вскоре в жизни писателя. Возможно именно поэтому после смерти Мисимы его жена попросила уничтожить все копии картины. Однако в 2005 г. в коробке из-под чая на складе, где хранится имущество, вывезённое из дома писателя, был найден негатив фильма.

ПАТРИОТИЗМ

Вторая половина 60-х ознаменована коренным переломом во взглядах писателя: он всё больше склоняется к идеям традиционализма и национализма. Необходимо отметить, что к своему «патриотизму» Мисима шёл долго и, скорее всего, крайне болезненно. Будучи большим любителем западного образа жизни во всех его проявлениях, он, однако, являлся подлинным голосом Традиции, обращённой к современным японцам, порабощённым обществом потребления. Если изначально он был нигилистом и не принимал послевоенный мир, так как остался жив, то теперь он переживал за всю нацию. Послевоенная Япония была фактически поработана американцами, всё больше места в жизни простых людей занимало «западничество» (в негативном смысле этого слова), левые идеи набирали небывалую популярность среди молодёжи и студенчества. Кто-то должен был выступить против этого.

Национализм Мисимы несколько не мешал его общению с иностранцами, как это иногда пытаются преподать либералы, он до конца своих дней любил принимать в своём доме гостей из других стран, удивляя их блюдами европейской кухни и гравированными приглашениями «от Тифани». Некоторые исследователи творчества Мисимы считают, что именно в патриотизме он нашёл тут цель, за которую стоило умереть.

Мисима как самурай.
Фото Кишин Шиномыя

Начиная с 1965 года он пишет произведения, в которых прославляется героическая смерть и нарочито подчеркнута неразрывная связь между эстетической красотой и политически окрашенными действиями. Тем не менее в его произведениях политика занимает небольшое место. В подобных случаях необходимо чётко отделять реальную политику, которая ставит целью приход к власти, от произведений, ставящих своей целью художественный посыл. Например, за своё эссе «Голоса духов героев» писатель подвергся не только критике левых, но так же и правых, с которыми якобы «находился» в одном политическом лагере.

Мисима всегда отвергал предложения о сотрудничестве «официальных правых», которые, несмотря на радикализм, были частью системы. Вместо сотрудничества со «штатными патриотами» писатель обращается к молодёжи, которая ещё не успела утратить веру в подлинную Традицию и которой необходимы правильные жизненные ориентиры.

В 1969 году выходит книга «Несущие кони», вторая из тетралогии «Море изобилия», которая повествует о неудачной попытке восстания молодых радикалов-традиционалистов. Основные мотивы книги — молодость и юношеский максимализм. Вместо

привычного самокопания автора, в этой книге на первый план выступают патриотизм и преданность императору. Устами героев Мисима отсылает читателя к беззаботному юношеству. Чего стоят цитаты: *«Старость — это когда невозможно следовать собственным душевным порывам»* и *«Закон есть нагромождение запретов, вечно препятствующих желанию превратить человеческую жизнь в поэзию»*. Не лишён роман и патриотической составляющей, Мисима безапелляционно утверждает истину, с которой трудно не согласится: *«Саморазрушение страны ведёт к разрушению личности, презрение к себе вызовет впоследствии презрение к людям»*.

Если закрыть глаза на политические идеи, изложенные в книге, то она может смело служить руководством к действию для каких-нибудь юных анархистов или нацболов. Последним, впрочем, творчество Мисимы, его жизненный путь и политические взгляды являются достаточно близкими. Даже лозунг *«Да Смерть!»*, который долгое время

использовала запрещённая ныне Национал-большевистская партия. Всё благодаря её лидеру, известному писателю Эдуарду Лимонову, который в некотором смысле является продолжателем дела Мисимы. В своих книгах Лимонов часто ссылается на творчество японца, восхищается им, проводит параллели. Невероятное сходство имеют также отдельные моменты биографии Лимонова. Сам Лимонов в своём блоге написал о Мисиме следующее: *«Я им заинтересовался впервые, когда в 1980 году в Париже мне подарили пингвиновское издание комментариев Мисимы к «Хагакурэ»*. Небольшая эта книжка с самурайским мечом на обложке произвела на меня сильное впечатление. Но львиную долю этого впечатления составлял сам самурайский кодекс «Хагакурэ», написанный, как известно, бывшим самураем, монахом Ёюши Ямамото. Я запомнил английский текст наизусть. Эстетика саму-

Гравюра Утагава Куниёси, иллюстрирующая японское народное предание о верности и мести сорока семи бывших самураев за смерть своего господина

раев, вот что меня ошеломило, возбудило и возбуждает, и бодрит и сегодня. «Хагакурэ» — великая книга».

В наше время эта «великая книга» безнадежно устарела. Мисима счёл своим долгом написать комментарий к ней. На основе средневекового трактата Мисима создал абсолютно новое произведение, оживив тем самым скрижаль японской традиции и вдохнув в него новую жизнь.

«Хагакурэ Нюмон» стала не просто дополнением к уже существующему произведению, но самостоятельным произведением, имеющим собственную литературную ценность. С первых строк Мисима начинает разговор с читателем, как бы пропуская через себя книгу:

Я начал читать «Хагакурэ» во время войны и время от времени обращаюсь к этой книге даже сейчас. Её моральные заповеди не имеют себе равных. Её ирония никогда не

бывает циничной; это ирония, которая рождается естественно, когда человек осознаёт противоречие между решимостью действовать и пониманием правильного пути. Какая это насущная, вдохновенная, человеческая книга!

Редко встретишь книгу, которая с помощью этики пробуждает к себе уважение в такой мере, в какой это свойственно «Хагакурэ». Невозможно ценить энергию и в то же время не уважать себя. В честолюбии нельзя зайти слишком далеко. Ведь высокомерие вполне допустимо с этической точки зрения — однако «Хагакурэ» не рассматривает его отдельно от других черт характера. «Молодых самураев следует наставлять в боевых искусствах так, чтобы каждому из них казалось, что он — самый смелый воин в Японии». «Самурай должен гордиться своей доблестью. Он должен быть исполнен решимости умереть смертью фанатика». Для человека, который исполнен решимости, не существует таких понятий, как правильность или уместность.

Практической этикой «Хагакурэ» в повседневной жизни можно назвать веру человека в целесообразность своих действий. В отношении любых условностей Дзете бесстрастно заявляет: «Главное — поступать достойно в любое время». Целесообразность — это не что иное, как этически обоснованный отказ от любой изысканности. Нужно быть упрямым и решительным. С незапамятных времён большинство самураев были решительны, отличались силой воли и мужеством.

По сути комментарий к «Хагакуре» является завещанием Мисимы. В нём он не только комментирует средневековое произведение, но так же обсуждает и собственное литературное наследие:

За всё послевоенное время моё отношение к «Хагакурэ» почти не изменилось. Пожалуй, лучше будет сказать, что когда я писал вышеупомянутую статью, моё понимание «Хагакурэ» впервые обрело форму у меня в сознании, и с тех пор я всегда сознательно строил свою жизнь в духе «Хагакурэ» и посвящал ему свои силы и дерзания. С каждым годом «Хагакурэ» всё глубже входило в мои плоть и кровь. Однако, следуя по пути писателя и любимца публики, которых «Хагакурэ» осуждает, я очень болезненно переживал несоответствие между искусством и этикой действия. Это несоответствие терзало меня много лет, потому что мне всё время казалось, что за личиной литературы всегда скрывается малодушие. Фактически, своей глубокой преданностью Пути учёного и воина я обязан именно влиянию «Хагакурэ». Я отдаю себе отчёт в том, что о Пути учёного и воина легко говорить, но его очень трудно претворять в жизнь. Но я понимаю также, что только этот Путь позволяет мне оправдать свою литературную деятельность. Этим пониманием я также обязан «Хагакурэ».

Между тем, я убеждён, что искусство, которое не выходит за узкие рамки искусства, вскоре приходит в упадок и умирает, и поэтому я не причисляю себя к сторонникам искусства для искусства. Ведь если искусству ничто не угрожает, если оно не подвержено влиянию чего-то внешнего по отношению к себе, оно быстро истощается. Писательское искусство черпает своё вдохновение из жизни, и хотя жизнь тем самым может быть названа источником искусства, она является также его злейшим врагом. Жизнь присуща самому писателю, и в то же время она является вечной антитезой искусства.

Неожиданно для себя я открыл в «Хагакурэ» философию жизни и почувствовал, что прекрасный исконный мир этой книги может преобразить хаос мира литературы. Подлинный смысл «Хагакурэ» для меня — в видении этого исконного мира, и хотя «Хагакурэ» сделало мою писательскую жизнь очень трудной, оно стало источником моего литературного творчества. Снова и снова «Хагакурэ» наполняет меня жизненной силой. Оно вдохновляет, наставляет и оценивает меня. В нём я нахожу великую красоту — красоту льда.

«Хагакуре» — это лишь фон, платформа, на которой автор выстраивает собственную систему ценностей, актуальную нашему времени. «Хагакурэ Нюмон» является во многом программным произведением. В нём автор не только рассуждает и обсуждает, но также и нападает. Будучи традиционалистом, он не мог не подвергнуть критике современное мироустройство:

В современной Японии мы постоянно слышим о феминизации мужчин. Очевидно, феминизация происходит вследствие подражания американскому образу жизни с его установками наподобие принципа: «Пропустите женщин вперёд!». Но в прошлом мы уже сталкивались с этим явлением. Феминизация японских мужчин началась ещё тогда, когда правительство Токугава, отказавшись от услуг великих воинов, прекратило вести боевые действия и начало мирно управлять страной.

В наши дни мы видим, как становятся популярными киноактёры и спортсмены. Те, кому удалось пленить аудиторию, перестают быть обычными человеческими личностями, а становятся хорошо выученными куклами. Можно сказать даже, что популярность — это идеал нашего времени. Всё это в равной мере относится к людям искусства и учёным.

Мы живём в эпоху технократии и науки, но, с другой стороны, это век знаменитых людей искусства. Тот, кто достигает успеха в искусстве, получает признание общества. Но чтобы добиться признания, люди понижают свои жизненные цели, напускают на себя вид и играют на публику. Они забывают об идеале полноценного человека, стараются стать уникальными и выполнять в обществе какую-то особую функцию.

В отличие от большинства писателей, которые занимались лишь декларацией своих идей, Мисима переходит к делу. В 1968 году он создает Татэ-но кай — «Общество щита» — парамилитарную молодёжную организацию. Содержалась она на личные средства писателя, имела собственную символику и униформу, за что нередко подвергалась критике журналистов левых и либеральных взглядов, которые прозвали её «опереточной армией».

«Общество щита» проводило регулярные тренировки на базах Сил самообороны. Профессиональные военные обучали молодых людей обращению с оружием, управлению военной техникой, национальным видам борьбы. Вместе со всеми занимался Мисима. Между прочим, у него не всегда всё отлично получалось, но, как говорится, главное не победа, а участие. Смелость и упорство — основные двигатели прогресса в его жизни. Как и прежде, Юкио Мисима пробует себя в разных ипостасях. Самая запоминающаяся в этот период — лётчик реактивного истребителя.

Конец был уже близок. Утром 25 ноября 1970 года Мисима закончил свой последний роман «Падение ангела». Дописывая последние страницы, он понимал, что в этот день ему суждено умереть. После завтрака, приведя себя в порядок, он одел форму «Общества щита» и сел в машину, которая ждала его у дома. В машине было четыре человека в такой же форме. В 11 часов утра машина подъехала к штабу Восточного округа Сил самообороны на токийской военной базе Итигая. Военные были предупреждены о визите, поэтому неладного не заподозрили.

Мисима поднялся в кабинет к командующему округом генералу Кэнри Масите, которого через несколько мгновений схватили и связали соратники писателя по «Обществу щита». Дверь в кабинет забаррикадировали. Мисима, угрожая убить генерала, потребовал от военных сбора на плацу всего личного состава Сил самообороны. Пока его требование выполняли, члены общества «Общества щита» разбрасывали с балкона листовки, в которых писатель призывал к восстанию и свержению парламента. Обращение заканчивалось словами: *«Неужели вы цените только жизнь и позволили умереть духу?.. Мы покажем вам, что есть ценность большая, чем наша жизнь. Это не свобода и не демократия. Это Япония! Япония. Страна истории и традиций. Япония, которую мы любим».*

В полдень Мисима предстал перед собравшейся аудиторией и начал своё обращение. Известная фотография запечатлила этот момент: писатель с повязкой на голове, на которой изображен красный круг восходящего солнца, и протянутой правой рукой обращается к солдатам. Возможно, именно в этот момент он говорил своим слушателям: *«...Сегодня японцы думают только о деньгах... Где же наш национальный дух?.. Вы должны восстать, чтобы защитить Японию. Японские традиции! Историю! Культуру! Императора!.. Вы же солдаты. Почему вы защищаете конституцию, отрицающую само ваше существование? Почему вы не проснётесь?..»*

Солдаты неохотно слушали оратора, отпускали шуточки и оскорбляли его, называя дебилом. Будучи освистанным и не услышанным, Мисима трижды прокричал «Да здравствует император!» и вернулся в кабинет генерала. Там он, сказав «Кажется, они даже не слышали меня», сел на пол, расстегнул свой китель и вонзил в правую сторону живота меч. Всё было сделано согласно самурайской традиции. Его соратник по «Обществу щита» Морита, который согласно договорённости должен был обезглавить писателя, не сумел этого сделать. Поэтому лишь с третьего удара ещё живого классика японской литературы обезглавил другой его соратник Фуру-Кога. Он же лишил головы и Мориту, который решил последовать примеру вождя. Остальные участники путча освободили генерала и сдались полиции. За участие в этом кровавом спектакле они получают срок в четыре года тюрьмы.

Несомненно, Юкио Мисима знал, чем для него обернётся попытка мятежа. Собственно сама попытка восстания была им срежиссированна задолго до ноября 1970-го года. Об этом свидетельствуют различные события, произошедшие в последний год писателя. Мисима как будто старался уладить до своей гибели все дела, которые так или иначе требовали его решения: закрыл счета, уладил все финансовые вопросы, отказался от новых проектов, покинул ряд должностей. Мисима всячески старался успеть закончить «Море Изобилия» до своей гибели, поэтому специально опережал свой же собственный «официальный» литературный план почти на год.

Юкио Мисима обращается к солдатам с призывом к свершению военного переворота

О причинах его поступка написано немало статей. Каждый из исследователей творчества Мисимы по-своему трактует события того ноябрьского дня. Некоторые выдвигают версию о том, что писатель, будучи приверженцем самурайской традиции, не смог вынести позора. Другие считают, что политическая неудача Мисимы — это лишь формальный повод для «героической» смерти, о которой так долго мечтал писатель. Третьи полагают, что Мисима добился всего, чего можно было добиться человеку в жизни человеческой и напоследок поразвлёк публику кровавой драмой, главную роль в которой сыграл он сам.

Но это всего лишь теории и догадки. Рано или поздно нечто подобное должно было произойти с человеком, который на протяжении всей своей жизни был зачарован Её величеством Смертью. Ответ же можно получить у самого писателя, тем более что он его нам оставил. Всё в том же «Хагакурэ Нюмон» есть слова, которые, на мой взгляд, произнёс бы писатель, если бы у него спросили о причинах своего поступка:

Не имеет значения, какую смерть мы рассматриваем в качестве завершения пути человека к совершенству — естественную или же смерть в духе «Хагакурэ», смерть от руки врага или в результате вскрытия себе живота. В любом случае, требование быть человеком действия не меняет отношения к жизни и не толкает нас на поиски лёгкого пути.

Кадр из фильма
«Патриотизм» (1966 г.)
со сценой самоубийства
японского офицера после
неудачной попытки военного
переворота. Режиссёр, автор
сценария и исполнитель главной
роли — Юкио Мисима

映画「愛国」で初演を演じる（四十一年四月）二・
二六事件を扱った自作 監督 主演映画である。

Рассуждение, в результате которого человек принимает решение умереть, приходит после многих других рассуждений и решений жить дальше. И это длительное созревание человека для принятия окончательного решения требует, чтобы он долго боролся и размышлял. Для такого человека жизнь — это круг, который может замкнуться, если к нему прибавить одну-единственную точку. Из дня в день он отбрасывает круги, которым недостает какой-нибудь точки, и продолжает встречать последовательность таких

же кругов. В противоположность этому, жизнь писателя или философа представляется ему нагромождением постепенно расширяющихся кругов, в центре которых находится он сам. Но когда наконец наступает смерть, у кого возникает большее чувство завершённости — у человека действия или у писателя? Я склонен считать, что смерть, которая завершает наш мир добавлением к нему единственной точки, даёт человеку намного большее чувство завершённости.

Наибольшим несчастьем человеку действия представляется ситуация, в которой он не умрёт после того, как к его жизни добавлена завершающая точка.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Про Мисиму я узнал благодаря фильму «Пёс-призрак: путь самурая» Джима Джармуша. Сюжет простой: бандит по кличке «Пёс-призрак» живёт согласно кодексу самурая, рубится с итальянской мафией и в итоге погибает от рук собственного хозяина. Фильм не о том, что даже негр из гангстерского района может стать самураем, а о том, как в современном мире жить согласно традициям. Картина разделена на несколько частей, каждую из которых предваряет цитата из «Хагакуре». Фигурирует там и сама книга, главный герой регулярно перечитывает её, а в концовке дарит маленькой девочке. Собственно из фильма я и узнал о книге, позже узнал, что существует комментарий к ней.

С творчеством Юкио Мисимы я познакомился в 2007 году, прочитав его роман «Золотой Храм». Через некоторое время на распродаже, в ящике с никому не нужными книгами, я наткнулся на биографическую работу «Мисима» Джона Натана и собрание сочинений Юкио Мисимы. Естественно, я эти книги приобрёл, тем более что стоили они смешную цену. После прочтения я долго не мог себе ответить, какая из них меня больше впечатлила: жизнеописание Кимитакэ Хираока или то, благодаря чему он стал известен. Его жизнь сама похожа на книгу, вернее, на роман, который имеет продолжение. Возможно, это даже можно назвать литературным сериалом длиной в 45 лет, главный посыл которого: возможно всё! Мисима пробовал себя в разных направлениях человеческой деятельности, но за что бы ни брался, всегда достигал вершин. В этой статье мне не удалось охватить всего того, что хотелось бы описать. Так или иначе, но я не стремился изобразить его таким всемогущим сверхчеловеком, я хотел лишь показать его талант и взгляды.

За 25 лет своей «творческой жизни» он написал 40 романов, 18 пьес и огромное количество всевозможных статей, эссе и рассказов; 15 его произведений были экранизированы, многие при жизни автора. Мисима оставил огромный след не только в японской, но и в мировой культуре. Многие молодые писатели считают себя продолжателями «героического пути» в литературе. Различные музыкальные группы в своём творчестве обращаются к литературным образам его произведений. Самая известная из таких —

Death In June. Жизни и творчеству Мисимы посвящён легендарный фильм Пола

Шрёдера «Мисима: Жизнь в четырёх главах», продюсировал который сам

Френсис Форд Coppola. Пользователи интернета теперь имеют воз-

можность регулярно слушать «Радио Мисима», которое начало

своё вещание во всемирной паутине. Ежегодно появляются

новые книги и статьи так или иначе посвящённые Юкио

Мисиме. Осенью этого года в мировой прокат вый-

дет фильм Кодзи Вакамацу, посвященный

последним дням писателя. Хочется ве-

рить, что эта цепь не прервётся уже

никогда, а стезя, проложенная

Мисимой на пути к са-

мовершенствовани-

ю человека, не

зарастёт.